

ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории)

Н.Н. Серегин

Представлены результаты гендерного анализа женских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Определены общие и особенные характеристики захоронений, выявлена социальная дифференциация по археологическим материалам. Выводы, полученные в ходе изучения погребальных комплексов, дополнены сведениями письменных источников.

Раннесредневековые тюрки, Центральная Азия, женские погребения, гендерный анализ, социальная история, погребальные комплексы, письменные источники.

Введение

Различные аспекты социальной истории кочевников Евразии традиционно привлекают внимание исследователей. Устойчиво представление о том, что центральной фигурой в социумах кочевников древности и средневековья являлся мужчина-воин. Данное утверждение выглядит вполне логичным и подкреплено сведениями многочисленных археологических, этнографических, письменных, иконографических и других источников. Вместе с тем в свете изучения материалов последних десятилетий картина гендерной истории представляется не столь однозначной. Введены в научный оборот и интерпретированы результаты раскопок целого ряда памятников скифо-сарматского периода с захоронениями «выдающихся» женщин, которые, очевидно, занимали достаточно высокое место в обществе, а их социальная роль явно не ограничивалась ведением домашнего хозяйства [Полосьмак, 2001, с. 275–276, 279; Петренко, Маслов, Канторович, 2004; и др.]. Отмечено, что женские погребения этнографического времени, исследованные в различных районах Центральной Азии, по составу сопроводительного инвентаря значительно «богаче» мужских [Дьяконова, 1975, с. 129; Кубарев, 2007, с. 296–297]. Имеются и другие примеры, свидетельствующие о гораздо более сложной картине социальных отношений в обществах кочевников разных исторических периодов [Кильдюшева, 2005; Китова, 2005; Тутаркова, 2007; Белинская, 2009; Берсенева, 2011; и др.]. Решение многих дискуссионных вопросов в этом направлении связано с детальным исследованием конкретных социумов. Учитывая, что основная масса работ по социальной истории кочевников посвящена изучению материалов раннего железного века, актуально обратиться к источникам более позднего времени. Целью настоящей работы является реконструкция особенностей статуса женщин в обществе раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона.

Источники и материалы

Наиболее информативным источником для реконструкции социальной организации раннесредневековых тюрок Центральной Азии являются погребальные комплексы. Нет единой точки зрения по поводу того, какие именно памятники могут быть сопоставлены с обозначенным этнополитическим объединением кочевников. Не останавливаясь подробно на исследовательских позициях, отметим, что, на наш взгляд, наиболее обоснованно соотношение с общностью раннесредневековых тюрок, различные аспекты истории которых представлены в письменных источниках, массива памятников тюркской археологической культуры (погребения по обряду ингумации в сопровождении лошади, «поминальные» каменные оградки, наскальные изображения и др.).

Основная масса захоронений тюркской культуры исследована на территории Саяно-Алтая. Памятники, раскопанные в этом регионе, наиболее полно отражают культуру данной общности, и именно они составили источниковую базу настоящего исследования. Для сравнения привлекались синхронные комплексы Монголии, Кыргызстана и Казахстана. При осуществлении общего анализа погребального обряда кочевников нами учитывались материалы раскопок более

300 объектов. Для интерпретации результатов этой работы с точки зрения реконструкции различных аспектов гендерной истории была сформирована специальная выборка, насчитывающая 204 погребения, раскопанных на Алтае (95 объектов), в Туве (48 объектов) и Минусинской котловине (61 объект). Основным фактором при отборе из общего количества исследованных могил являлась возможность определения пола умершего — необходимое условие для полноценной социальной интерпретации погребений. Количество антропологических определений материалов захоронений тюркской культуры Саяно-Алтая весьма незначительно, поэтому формирование выборки для последующего анализа происходило следующим образом. На первом этапе изучались погребения, для которых имеется антропологическое определение пола умершего. Результатом стало выделение устойчивых признаков обряда, характерных для мужских и женских могил. Далее на основе полученных данных в общем количестве раскопанных объектов тюркской культуры Саяно-Алтая обозначались погребения, материалы которых содержат устойчивые сочетания показателей, позволяющие определить пол умершего. При этом учитывались только неограбленные, а также частично потревоженные объекты, достаточно информативные для полноценного анализа. В итоге выделено 40 женских захоронений, 133 мужские могилы и 31 погребение детей и подростков.

Резкое преобладание погребений мужчин, помимо обстоятельств, связанных со спецификой формирования выборки, может объясняться объективными причинами. При нестабильности политической ситуации на территории Центральной Азии в раннем средневековье вполне вероятно высокая смертность мужского населения, обусловленная свойственными им занятиями [Берсенева, 2010, с. 80]. Не следует исключать, что женскими являются некоторые безы Inventарные погребения, не включенные в анализируемую выборку в связи с невозможностью точного определения половой принадлежности. Кроме того, известно, что большее количество мужских погребений по сравнению с женскими в целом характерно для подвижных кочевых социумов [Балабанова, 2009, с. 83–84].

Известно, что реконструкциям структуры и организации обществ прошлого, основанным только на данных археологии, присуща определенная схематичность. Поэтому для получения результатов, более или менее приближенных к действительности, важно привлечение дополнительных материалов. В настоящем исследовании большое значение имели письменные источники. Весьма ценные материалы по различным аспектам социальной истории раннесредневековых тюрков центрально-азиатского региона представлены в китайских династийных хрониках [Бичурин, 1950; Лю Маоцай, 2002] и тюркских рунических текстах [Малов, 1951, 1959].

Гендерные стереотипы в обществе раннесредневековых тюрков по материалам погребальных комплексов

Известно, что в каждом обществе существуют гендерные стереотипы — социально разделяемые представления о личностных качествах и поведенческих моделях мужчин и женщин. Обычно они весьма устойчивы, но при определенных условиях могут изменяться. Гендерные стереотипы являются одним из факторов, формирующих систему социальных отношений, поэтому их изучение имеет большое значение для реконструкции организации конкретных обществ [Рябова, 2001, с. 4; 2003, с. 132]. Опыт работ, проведенных главным образом западными учеными, демонстрирует информативность материалов раскопок археологических памятников при исследовании социальных ролей мужчин и женщин [Берсенева, 2010, с. 73]. Одним из подтверждений этому являются результаты гендерного анализа погребальных комплексов тюркской культуры [Серегин, 2011а]. В рамках настоящего исследования основной интерес представляют выводы о специфике женских захоронений раннесредневековых кочевников.

Анализ наземных и внутримогильных сооружений, а также ритуала погребения, характерного для комплексов тюркской культуры, позволил нам выделить две группы показателей. В первую включены признаки, варибельность которых не связана напрямую с половой дифференциацией обряда раннесредневековых кочевников. К таковым относятся тип погребального сооружения¹, ориентировка и положение умерших и сопровождавших их животных.

¹ Некоторая зависимость в этом плане отмечена по материалам отдельных некрополей. К примеру, на могильнике Белый Яр II только мужские погребения были совершены в гробах [Поселянин и др., 1999, рис. 4.-4, 7.-2, 10.-6, 12.-2]. Однако при рассмотрении всех материалов такие свидетельства не находят подтверждения и не выходят за рамки частных случаев.

Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрков...

Показатели, различающиеся для мужских и женских захоронений, составляют *вторую* группу признаков. К ним отнесены параметры погребальных конструкций и количество лошадей, находившихся рядом с умершим. Для мужских погребений характерен большой объем трудозатрат на сооружение курганной насыпи и могильной ямы. Данный показатель может быть зафиксирован только на уровне тенденции в силу разрушенности значительного количества объектов, а также локальной специфики памятников тюркской культуры на различных территориях ее распространения. Более важным признаком является количество лошадей в погребении. В большинстве учтенных женских захоронений (32 объекта, 80 %) находилось одно животное, две лошади зафиксированы только в одной могиле (2,5 %). Кроме того, в семи (17,5 %) захоронениях представительниц слабого пола животное отсутствовало. Для сравнения отметим, что в погребениях мужчин значительно более распространено присутствие двух лошадей (14,28 % объектов). Зафиксированы также случаи нахождения рядом с умершим трех (3 %) и четырех (0,75 %) животных.

В связи с высокой степенью унификации рассмотренных признаков погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая наиболее четко женские захоронения отличаются по качественно-количественному составу сопроводительного инвентаря. Для выявления и конкретизации закономерностей в этом плане был проведен статистический анализ, который позволил обозначить степень распространения конкретных находок в могилах представительниц слабого пола [Серегин, 2011а, табл. 3]. Выделено четыре комплекса предметов сопроводительного инвентаря, встречающихся в женских погребениях. *Первый комплекс* составили вещи, характерные только для захоронений представительниц слабого пола. Показателями исключительно женских погребений выступают металлическое зеркало, обнаруженное в 13 (32,5 %) могилах², игольник — 5 (12,5 %) и пряслице — 7 (17,5 %). Предметы сопроводительного инвентаря, включенные во *второй комплекс*, характерны преимущественно для захоронений представительниц слабого пола, однако зафиксированы и в мужских могилах. К ним относятся серьги, обнаруженные в 20 (50 %) погребениях женщин, другие украшения (бусы, подвески, кольца и др.) — 9 (22,5 %), гребень — 7 (17,5 %), а также украшения конского снаряжения — 13 (32,5 %). *Третий комплекс* составили находки, встреченные в равной степени в мужских и женских захоронениях: фрагменты шелковой одежды — 8 (20 %) захоронений представительниц слабого пола, нож — 21 (52,5 %), удила и псалии — 25 (62,5 %), стремена — 22 (55 %), плетель или стек — 4 (10 %). *Четвертый комплекс* предметов сопроводительного инвентаря представлен вещами, не характерными для погребений женщин. Главным образом это предметы вооружения, маркирующие мужские могилы. Исключение представляют два захоронения представительниц слабого пола (5 %), в которых обнаружены небольшие кинжалы. Кроме того, к четвертой группе находок относятся наборный пояс, встреченный в двух (5 %) женских погребениях, а также металлический сосуд, китайские монеты и оселок, встреченные по одному разу (2,5 %). Помимо предметов вооружения в могилах представительниц слабого пола не встречены тесло, котел и кочедык.

Таким образом, погребальные памятники тюркской культуры демонстрируют наличие устойчивых гендерных стереотипов. Отличие мужских и женских захоронений нашло отражение в меньшей степени в размерах погребальных сооружений, количестве сопровождавших человека лошадей и главным образом — в качественном составе сопроводительного инвентаря. Наиболее распространенными находками в погребениях представительниц слабого пола были украшения и предметы быта. Практически полностью отсутствовали изделия, связанные с демонстрацией власти в обществе кочевников (вооружение, наборный пояс, котел). Не встречены также предметы, связанные с реализацией определенных хозяйственных занятий и отражающие, вероятно, трудовую специализацию (тесло, кочедык, оселок).

Интерес представляют редкие отклонения от обозначенных гендерных стереотипов, зафиксированные в материалах некоторых женских погребений. В отдельных захоронениях обнаружены «мужские» предметы. Правдоподобным выглядит предположение о том, что такие вещи помещались в могилу для последующей передачи ранее умершему владельцу [Нестеров,

² В одном из погребений тюркской культуры умерший, рядом с которым находилось металлическое зеркало, определен антропологом как мужчина [Грач, 1958; Алексеев, 1960, табл. 3]. В этом случае возможна неточность из-за плохой сохранности черепа [Нестеров, 1999, с. 95]. С другой стороны, на принадлежность погребения мужчине указывает наличие таких предметов, как котел и тесло.

1999, с. 97]. Подтверждение данной интерпретации находим в этнографических материалах. Известно, что у многих кочевых народов Саяно-Алтая существовали представления о встрече родственников в загробном мире. Поэтому, к примеру, в ряде случаев в могилу вдовы клали кисет, предназначенный для передачи мужу [Дьяконова, 1975, с. 23, 44–45, 130–131]. Вероятно, похожие традиции были и у раннесредневековых тюрков. Именно так можно объяснить нетипичное расположение в женской могиле «мужского» наборного пояса — не на привычном месте, а у головы умершей [Гаврилова, 1965, с. 61]³.

Весьма вероятен и другой вариант интерпретации присутствия «мужских» предметов в женских погребениях. Материалы позволяют предположить, что такие вещи могли демонстрировать высокий прижизненный социальный статус умерших. В ряде случаев женские захоронения, в составе инвентаря которых обнаружены нетипичные для представительниц слабого пола серебряный сосуд [Савинов, 1994, с. 118, рис. 108–110], китайские монеты [Евтюхова, 1957, с. 212, рис. 8], кинжал [Длужневская, 2000, с. 180, рис. IV-4], включали и другие «престижные» категории предметов. Таким образом, нарушение гендерных стереотипов при создании рассмотренных погребений было призвано подчеркнуть особое положение погребенных.

Социальные группы женских погребений раннесредневековых тюрков

Эффективным подходом в изучении социальной истории по материалам погребальных памятников является моделирование социальной структуры и организации конкретных обществ древности и средневековья. Его теоретические и практические аспекты достаточно подробно представлены в ряде исследований [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 106–108; Кондрашов, 2004, с. 22; Матренин, Тишкин, 2005, с. 179; и др.]. Отметим лишь наиболее принципиальные моменты, связанные с реализацией обозначенного подхода на имеющемся в нашем распоряжении материале. Выделение социально-типологических моделей, представляющих собой группы погребений, основывалось на многоступенчатом анализе объектов, предполагающем последовательную корреляцию всех показателей обряда, но прежде всего тех, которые определены как социально значимые⁴. Каждая из выделенных моделей характеризуется определенным набором маркирующих ее признаков. Мужские, женские и детские погребения рассматривались отдельно, что было обусловлено выявленной половозрастной дифференциацией в обрядности населения тюркской культуры. Подчеркнем, что для объектов, объединенных в рамках выделенных социально-типологических групп, отмечена высокая степень унификации показателей, характерных для каждой из моделей. Варибельность признаков в целом незначительна. В ходе работы выделено четыре женских, девять мужских и три детские социально-типологические модели погребений [Серегин, 2011б]. Далее приведено краткое описание показателей, характерных для каждой из групп захоронений представительниц слабого пола.

I. Для погребений данной модели характерен максимальный по количеству и наиболее выдающийся по качеству состав сопроводительного инвентаря. В могилах нередко обнаружены такие маркеры женских могил, как игольники и гребни. Наиболее показательными были предметы торевтики (изделия из художественного металла), присутствовавшие во всех погребениях. Объектам рассматриваемой группы присуще сочетание не менее двух или трех вещей из числа таких «престижных» находок, как металлические зеркала, украшения конской амуниции и серьги, изготовленные чаще всего с использованием драгоценных металлов. В одном женском погребении обнаружен кинжал, являющийся редкой находкой даже для мужских могил. При исследовании всех объектов зафиксировано конское снаряжение; дважды встречена рукоять плети или стека. Стандартно сопровождение умерших лошадью; известно только одно погребение без животного. В рамках первой социально-типологической группы объединены 8 (20 %) женских могил [Савинов, 1982, с. 110–112; 1994; Длужневская, 2000; Кубарев, 2005, с. 370–371; и др.] (рис.). К перечисленным погребениям Саяно-Алтая следует добавить наиболее «богатое» женское захоронение тюркской культуры, исследованное на территории Монголии [Евтюхова, 1957, с. 207–216].

³ Судя по всему, такие представления нашли отражение и в материалах детского погребения, исследованного на могильнике Мойгун-Тайга. В этом захоронении наборный пояс, не подходивший по размеру ребенку, был положен в стороне, сбоку от умершего [Грач, 1960а, с. 32].

⁴ Решению вопросов, связанных с выделением «социальных маркеров» погребального обряда раннесредневековых тюрков, посвящена отдельная публикация [Серегин, 2011в].

Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрков...

Рис. «Элитные» женские погребения тюркской культуры:

1 — Бертек-34 (по: [Савинов, 1994, рис.]); 2 — Юстыд XII, курган № 2 ([Кубарев, 2005, табл.])

II. Объекты, отнесенные к этой модели, несколько уступают погребениям первой группы по количеству и качеству обнаруженных изделий. В частности, в них редко фиксировались предметы торевтики из драгоценных металлов, а также меньше количество социально значимых находок в одной могиле (не более двух). При исследовании двух женских могил обнаружен наборный пояс, элементы которого изготовлены из бронзы. В одном случае встречен кинжал. В большинстве погребений отмечено конское снаряжение. Почти всегда, за единственным исключением, умершую женщину сопровождала лошадь. Ко второй социально-типологической моде-

ли отнесено 12 (30 %) погребений [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 100–102; Грач, 1960б, с. 120–123; Гаврилова, 1965, с. 61–63; Кубарев, 2005, с. 376; и др.].

III. Погребения данной модели отличаются от объектов, включенных в предыдущие группы, отсутствием вещей, изготовленных с использованием драгоценных металлов. Во всех могилах фиксировалась одна, реже — две категории предметов торевтики из бронзы. При исследовании большинства объектов обнаружено конское снаряжение. Почти во всех случаях умершую сопровождала одна лошадь, и только в двух могилах животное отсутствовало. Третья социально-типологическая модель включает 8 (20%) погребений [Савинов и др., 1988, с. 98; Худяков, Кочеев, 1997; Молодин и др., 2003, с. 72–73; и др.].

IV. Стандартным показателем объектов этой модели является полное отсутствие предметов торевтики. В большинстве случаев рядом с умершей обнаружен нож, в половине могил зафиксировано конское снаряжение. Почти всегда в захоронении находилась одна лошадь. Кроме того исследовано три одиночных женских погребения (без животного). Всего в рамках четвертой социально-типологической группы объединены 12 (30 %) объектов [Бородаев, Мамадаков, 1985, с. 63–64; Могильников, 1990, с. 142–144; Поселянин и др., 1999, с. 94–95; Молодин и др., 2003, с. 73–76; и др.].

Такова структура женской части социума раннесредневековых тюрков по материалам погребальных памятников. Безусловно, это только схема, отражающая основные тенденции дифференциации общества кочевников. Имеются основания для отнесения захоронений, включенных в первую группу, к элитным слоям социума кочевников периферийных районов кочевых империй центрально-азиатского региона. Обратим внимание на то, что в тех случаях, когда имеется заключение антрополога, возраст умерших женщин из погребений первой модели определен в рамках 45–60 лет. Возможно, это свидетельство почитания старшей женщины в семье. Женские погребения, отнесенные к первой группе, раскопаны, за единственным исключением, на территории Алтая. Такая же ситуация отмечена при изучении «элитных» захоронений мужчин [Серегин, 2010, с. 47]. Судя по всему, концентрация памятников, сооруженных для представителей высших слоев общества раннесредневековых тюрков, на указанной территории связана с тем, что именно на Алтае фиксируется наиболее стабильное развитие рассматриваемой общности с ограниченным влиянием других объединений кочевников второй половины I тыс. н.э.

Остальные группы женских погребений могут быть соотнесены с представительницами различных по имущественному и социальному статусу слоев социума раннесредневековых тюрков. Важным показателем является отсутствие захоронений, демонстрирующих зависимое положение женщин в обществе кочевников. Учитывая, что статус женщины определялся положением мужчины, выделенная группа IV, в которую включены погребения, характеризующиеся минимальным набором вещей или их отсутствием, вероятно, может быть сопоставлена с членами семей свободных рядовых общинников.

Положение женщин в обществе раннесредневековых тюрков Центральной Азии по письменным источникам

Отдельные аспекты реконструкции статуса женщин в социуме тюрков второй половины I тыс. н.э. по письменным источникам рассматривались многими исследователями. Результаты выглядят достаточно противоречиво. С одной стороны, имеются сведения о высоком положении представительниц слабого пола, особенно во внутрисемейных отношениях [Бернштам, 1946, с. 97–99; Гумилев, 2002, с. 85–86; Жумаганбетов, 2003, с. 183–184; и др.]. Вместе с тем в письменных источниках встречается информация о существовании у тюрков женского рабства и о том, что женщины в ряде случаев приравнивались к имуществу, так как шли в уплату за некоторые уголовные преступления [Бернштам, 1946, с. 116, 120, 122; Кляшторный, 1985, с. 165–166; Кычанов, 1997, с. 110–111]. Дополним выводы исследователей некоторыми наблюдениями.

Важно отметить, что в письменных источниках приведена информация главным образом об элитных слоях общества. Такая ситуация характерна для материалов по истории кочевников различных исторических периодов [Селезнев, 2009, с. 7], что вполне закономерно. Почти полное отсутствие сведений о рядовом населении, составлявшем основу социума, безусловно, снижает ценность документов, но не исключает возможность их привлечения.

Справедливо утверждение турецкого историка С. Максуди [2002, с. 276] о том, что положение женщин во многих обществах, в том числе тюркском, находило отражение в статусе жен

Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрков...

правителей. В письменных источниках неоднократно указывается на уважение и почтение, которым пользовались катун, а также мать кагана [Лю Маоцай, 2002, с. 70]. В надписи в честь Тоньюкука описана ситуация, в которой каган, находясь в военном походе, оставил войско, чтобы вернуться домой и совершить «погребальные церемонии» над умершей женой [Малов, 1959, с. 68]. В другом памятнике рунической письменности «мать-катун» названа первой по знатности из женщин, находящихся в орде, спасенной Кюль-Тегинном от врагов [Малов, 1959, с. 42]. Имеется упоминание о том, что жена правителя державы тюрков принимала участие в «военных предприятиях» [Лю Маоцай, 2002, с. 40]. Судя по всему, весьма значимой была власть катун после смерти ее мужа и в периоды малолетства сына, выбранного каганом [Бичурин, 1959, с. 277]⁵. В династийных хрониках, по вполне понятным причинам, неоднократно подчеркивается участие в политическом процессе китайских «царевен», выданных замуж за тюркских правителей [Бичурин, 1950, с. 240–241, 247; Лю Маоцай, 2002, с. 64; и др.].

Анализ письменных источников позволяет обозначить свидетельства различного социального статуса представительниц слабого пола в обществе кочевников. Согласно сведениям китайских хроник, тюркские женщины могли относиться к конкретным рангам, что определяло их положение [Лю Маоцай, 2002, с. 70]. Порядок перечисления спасенных Кюль-Тегинном родственниц в ситуации, описанной выше, также, судя по всему, был обусловлен их знатностью [Малов, 1959, с. 42].

Особый интерес представляют упоминания в династийных хрониках о женщинах, выполнявших определенные культовые функции. Описывая обычаи раннесредневековых тюрков, китайские авторы отметили, что «они почитают богов и духов и верят в заклинательниц и заклинателей злых духов» [Лю Маоцай, 2002, с. 23]. В биографии тюркского политического деятеля Аньлушаня имеется упоминание о его матери, которая «была волшебницей и жила предсказаниями» [Там же, с. 97]. В частности, указывается на то, что женщина обращалась к богу войны, моля его о сыне [Там же, с. 99]. Реконструкция культовой практики у центрально-азиатских тюрков раннего средневековья затруднена целым рядом обстоятельств и требует проведения специального исследования. Вместе с тем из приведенных свидетельств письменных источников очевидно, что религиозная деятельность осуществлялась не только мужчинами, но и женщинами⁶.

Заключение

Анализ погребальных комплексов раннесредневековых тюрков позволил обозначить как общие, так и специфичные показатели женских захоронений. Первые определяются этнокультурной принадлежностью объектов и универсальны для всей совокупности памятников рассматриваемой общности. Особенности характеристик погребений представительниц слабого пола, отличающие их от мужских могил, связаны с гендерной принадлежностью умерших. Гендерные стереотипы в обществе раннесредневековых тюрков Центральной Азии, судя по археологическим материалам, были весьма устойчивыми. Зафиксированные отклонения единичны и могут объясняться отдельными специфичными характеристиками ритуала либо особым статусом погребенных женщин. Социальная дифференциация, прослеженная по материалам захоронений представительниц слабого пола, свидетельствует о наличии различных общественных слоев. В частности, выделяются «элитные» погребения, принадлежавшие, судя по всему, знатым женщинам.

Результаты изучения археологических материалов подтверждаются комплексом сведений письменных источников о достаточно высоком положении женщин в обществе раннесредневековых тюрков. Косвенные свидетельства о наличии зависимых слоев не находят подтверждения на обширном материале. Данный вывод согласуется с наблюдениями исследователей, изучавших различные общества кочевников Евразии и пришедших к заключению о высоком статусе женщин в кочевом социуме [Хазанов, 1975, с. 85–86; Китова, 2005; и др.]. Судя по всему, это отражает общие тенденции, характерные для скотоводов рассматриваемого региона в древности и раннем средневековье. Дальнейшее изучение социальной истории тюрков Центральной

⁵ Подобная ситуация отмечена при изучении политической истории кочевников монгольского времени [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 84] и в целом является весьма распространенной.

⁶ Известно, что у монголов некоторые обряды могли проводиться только женщинами [Скрынникова, 1997, с. 135].

Азии второй половины I тыс. н.э. с привлечением письменных, этнографических и изобразительных материалов позволит более детально реконструировать различные аспекты гендерных отношений в обществе кочевников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев В.П. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы // Тр. Тувин. комплексной археол.-этногр. экспедиции. Т. 1: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 284–312.

Балабанова М.А. Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // РА. 2009. № 3. С. 79–88.

Белинская К.Ы. Изучение гендерных отношений и женской субкультуры древних тюрок Горного Алтая (по памятникам археологии) // Мир Евразии. 2009. № 4 (7). С. 6–11.

Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 208 с.

Берсенева Н.А. Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: Гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3 (43). С. 72–81.

Берсенева Н.А. Женские погребения с оружием: Реалии жизни или отображение социальной идентичности? (по материалам саргатской культуры) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 72–79.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.

Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–88.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Грач А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // СЭ. 1958. № 4. С. 18–34.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Тр. Тувин. комплексной археол.-этногр. экспедиции. Т. 1: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: АН СССР, 1960а. С. 7–72.

Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Там же. 1960б. С. 73–150.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Рольф, 2002. 560 с.

Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 178–188.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. 1957. № 2. С. 207–217.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.

Жумаганбетов Т.С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права: VI–XII вв. Алматы: Жеті жарғы, 2003. 432 с.

Кильдюшева А.А. К вопросу об интерпретации некоторых женских захоронений // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. I. С. 254–258.

Китова Л.Ю. К вопросу о семье и положении женщины у древних кочевников (диахронный срез) // Там же. С. 258–263.

Кляшторный С.Г. Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 159–168.

Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации сротскинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VII–XII вв. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 24 с.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В. Теленгитские погребения Южного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Т. 13. С. 293–297.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997. 319 с.

Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюл. Общества востоковедов. М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2002. 126 с. Прил. 1.

Максуди С. Тюркская история и право. Казань: Фэн, 2002. 412 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 447 с.

Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрков...

- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 198 с.
- Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2005. С. 152–183.
- Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 137–185.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2. С. 71–86.
- Нестеров С.П. Древнетюркские погребения у с. Батени // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 91–102.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новоазовенное II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М.: Изд-во ИА РАН, 2004. С. 179–210.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.
- Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: Методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4. С. 3–12.
- Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 1–2 (15–16). С. 120–138.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала: (К вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.
- Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 104–124.
- Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л.: Наука, 1988. С. 83–103.
- Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 232 с.
- Серегин Н.Н. «Элитные» погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (вторая половина V–XI вв.) // Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. М.: ИА РАН, 2010. С. 46–47.
- Серегин Н.Н. Гендерный анализ погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2011а. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 236–245.
- Серегин Н.Н. Моделирование социальной структуры населения тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я пол. V–XI вв.) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС РАН, 2011б. Вып. 4. С. 228–231.
- Серегин Н.Н. Опыт выделения социально значимых элементов погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Изв. АлтГУ. Сер. История, политология. 2011в. № 4/2 (72/1). С. 180–185.
- Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Вост. лит., 1997. 216 с.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 430 с.
- Тутаркова Н.В. Положение хакасской женщины в традиционном и современном обществе (XIX–XXI вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007. 22 с.
- Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 343 с.
- Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 3. С. 10–18.

Барнаул,
Алтайский государственный университет
nikolay-seregin@mail.ru

The article gives results of gender analysis regarding feminine burial places with early medieval Turki from Central Asia. Subject to determination being general and specific features of burial places belonging to representatives of the weaker sex, specifying social differentiation in accordance to archaeological data. The conclusions obtained under investigation of the burial complexes being supplemented with data from written sources.

Early medieval Turki, Central Asia, feminine burial places, gender analysis, social history, burial complexes, written sources.